

УДК 130.2

РОЛАН БАРТ: ТЕКСТУАЛЬНАЯ ОСМЫСЛЕННОСТЬ
ПРОСТРАНСТВА.

Микитинец О. И.

Автор статьи рассматривает «текстовый анализ» Р. Барта, выявляя в процессе рассмотрения пространство и время текста.

Ключевые слова: текст, пространство, время, онтология.

Цель данной публикации состоит в том, чтобы определить место концепта текстуального пространства в текстовом анализе. **Объект** рассмотрения данной статьи – концепция текстового анализа Р. Барта, **предмет** – выявляемые в процессе текстового анализа пространство и время текста. Необходимо отметить, что рассматривать мы будем работы "позднего" Барта, "вступившего на путь постструктурализма" в 70-е годы XX века. Именно с этим периодом связано появление первого варианта деконструктивистского анализа текста – ANALYSE TEXTUELLE. Мы рассмотрим текстовый анализ, предложенный Бартом в следующих произведениях: эссе «S/Z» (1970) и "Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По" (1973). Основной нашей задачей будет не анализ «лексий», кодов, а скрытое за всем этим пространство и время текста. Собственно понятие "текст" Р. Барта появляется в постструктуралистский период, становясь неким антиподом понятия "произведение": "Произведение может поместиться в руке, текст размещается в языке, существует только в дискурсе (вернее сказать, что он является Текстом лишь постольку, поскольку он это сознает). Текст — не продукт распада произведения, наоборот, произведение есть шлейф воображаемого, тянущийся за Текстом. Или иначе: *Текст ощущается только в процессе работы, производства.* Отсюда следует, что Текст не может неподвижно застыть (скажем, на книжной полке), он по природе своей должен *сквозь что-то* двигаться — например, *сквозь произведение, сквозь ряд произведений*" [1, с. 416]. Текст подвижен – это некий **процесс** структуризации, в отличие от произведения, которое обладает устойчивой структурой. Текстовый анализ и построен на этом противопоставлении: "Текстовый анализ не ставит себе целью описание структуры произведения; задача видится не в том, чтобы зарегистрировать некую устойчивую структуру, а скорее в том, чтобы произвести подвижную структуризацию текста (структуризацию, которая меняется на протяжении Истории)... Текстовый анализ не стремится выяснить, чем детерминирован данный текст, взятый в целом как следствие определенной причины; цель состоит скорее в том, чтобы увидеть, как текст взрывается и рассеивается в межтекстовом пространстве..." [2, с. 425]. Уже здесь обнаруживаются время и пространство: текст меняется на протяжении истории – это время, взрывается и рассеивается в межтекстовом пространстве – это пространство. Смысл, а вернее смыслы текста постигаются через текстовый анализ.

Именно в этом и состоит, по словам Р.Барта, его задача: "попытаться уловить... отнюдь не все смыслы текста (это было бы невозможно, поскольку текст бесконечно открыт в бесконечность: ни один читатель, ни один субъект, ни одна наука не в силах остановить движение текста)... а, скорее, те формы, те коды, через которые идет возникновение смыслов текста." [там же, с. 425]. Образование смыслов текста неразрывно связано с его рассеиванием в пространстве и изменением во времени. Найти единственный смысл, или даже один из смыслов невозможно, смысл меняется вместе с текстом, и единственное что мы можем, это только помыслить, вообразить, пережить множественность текста. Понятию "смысл" Барт придает особое значение. Для него смысл это не значение слов, а некие вторичные смыслы лексии, ассоциации.

Для того чтобы в полной мере понять, что подразумевается под пространством текста у Барта, необходимо обратиться к понятию кода, которое является ключевым в текстовом анализе. Барт сравнивает код с "нитью" текста. Из этих нитей соткан текст, и именно эти нити ведут к смыслам. Расположение кодов в тексте нелинейно, они могут наслаиваться друг на друга, "проступать" на фоне друг друга – это некое "сгущение смысла". По словам Барта "в тексте все коды прочерчиваются одновременно, в объемном пространстве" [3, с. 412]. Как уже было сказано выше, Барт настаивал на отсутствии единственного значения смысла, так как это ограничивает жизнь произведения. Смысл можно сравнить с эхом, зависящим от силы голоса, вызвавшего его. Как эхо зависит от силы голоса, вызвавшего его, так и смысл зависит от структуры кодов. Именно от этой структуры зависит и интерпретация. Тексту присуща множественность. "Это значит, что у него не просто несколько смыслов, но что в нем осуществляется сама множественность смысла как таковая — множественность неустранимая, а не просто допустимая. В Тексте нет мирного сосуществования смыслов — Текст пересекает их, движется сквозь них; поэтому он не поддается даже плюралистическому истолкованию, в нем происходит взрыв, рассеяние смысла. Действительно, множественность Текста вызвана не двусмысленностью элементов его содержания, а, если можно так выразиться, пространственной многолинейностью означающих" [4, с. 418]. Итак, именно сама множественность смыслов, постигаемая через коды, и образует пространство текста. Текст неразрывно связан с окружающей действительностью, обществом, историей, культурой, можно сказать, что производство текста неразрывно включено во "внетекстовую реальность", в "пространство символического". Барт подчеркивает теоретическую важность процесса текстового анализа – критик не реконструирует структуру текста, а следует его естественности и логике, читая текст как бы в замедленной съемке. Сущность текста более всего проявлена в межтекстовых связях, более того, по словам Барта текст может существовать только в межтекстовом пространстве в силу интертекстуальности". Основу "текста составляет его выход в другие тексты, другие коды. Таким образом, в текстовом анализе была актуализирована тема пространства текста и межтекстового пространства. По словам Барта "всякий текст есть между-текст" [там же]. Но данную интертекстуальность не следует понимать как то, что у текста есть "источники влияния", текст состоит из неуловимых и так называемых "читанных"

цитат. Именно это влечет за собой множественность интерпретаций. В текстовом анализе учитываются не только коды, но и индивидуальное восприятие читателя: "Текст ... требует от читателя деятельного сотрудничества" [там же, с. 421]. Еще один важный момент – это некоторое отрицание Бартом метаязыка, "недоверие" к нему. Он может встречаться в тексте, и даже использован при текстовом анализе, но того значения, которое придавалось метаязыку в структурализме (а именно жесткая дистанция между метаязыком и языком-объектом) он больше не имеет, метаязык здесь тоже является порождением культуры. "Метаязык" Барта стремится слиться с языком. Теория текста, слово о тексте – это тоже текст, некий поиск текста. Текст – это, по Барту, "такое социальное пространство, где ни одному языку не дано укрыться и ни один говорящий субъект не остается в роли судьи, хозяина, аналитика, исповедника, дешифровщика" [там же, с. 423].

Вернемся теперь к понятию "код" у Барта. Под кодом Барт понимает ассоциативные поля, сверхтекстовую организацию значений. Код создается культурой – это "определенные типы уже виденного, уже читанного, уже деланного; код есть конкретная форма этого «уже», конституирующего всякое письмо" [5, с. 455]. Мы не будем останавливаться на всех кодах, выделяемых Бартом в процессе анализа, остановимся лишь на хронологическом коде, которому и сам автор придает достаточно большое значение. По его словам, в любом тексте следует тщательно следить за хронологическим кодом. Именно в нем сплетаются несколько значений времени. Первое значение, по мнению Барта, "наивно", указывается время в тексте, в течение которого происходит или будет происходить некоторое событие, например "в течение семи лет". Это значение создает эффект реальности в тексте. Второе значение – соотношение рассказа с положением рассказчика или читателя во времени. Барт указывает нам на достаточно интересное явление, порождаемое в рамках хронологического кода. Это наслоение временных пластов друг на друга: "время действия, диегесис («я считал тогда»), время писания («и считаю сейчас, когда пишу»), время чтения (захваченные настоящим временем текста, мы и сами начинаем «так считать» в момент чтения)" [там же, с. 451]. Именно наслоение времени создает эффект реальности текста. В результате мы можем сделать вывод, что реальность, онтология текста и в тексте напрямую зависит от хронологического кода, т.е. от времени. Кроме того, "датирование", являющееся проявлением хронологического кода, подразумевает определенную идеологию "исторического" времени. Совокупность хронологических кодов составляет, по словам Барта, культурный код, который, в свою очередь, позволяет нам связывать высказывание любого данного произведения со всеми нашими знаниями о времени (обществе, стране), к которому относит нас хронологический код. Говоря о времени в культурном коде, мы не можем не сказать о пространстве. Даже в одной лексии пространство текста огромно. Оно таково в силу интертекстуальности произведения, в которой коды являются некоторыми "трамплинами": в одной лексии, где присутствует хронологический, а, следовательно, и культурный код, присутствует множество текстов, относящихся к эпохе, в которой жил автор произведения. Например, имя Вальдемар отсылает нас не просто к иной эпохе (время), но к иным текстам и внетекстовым реальностям той эпохи (пространство).

Коды у Барта образуют цепочки, которые по его словам сохраняют некоторую приблизительность. К тому же они переплетаются друг с другом, наслаиваются, создавая "ткань" текста. Все это указывает нам на некоторую схожесть "кодов" Барта и "хронотопов" Бахтина. Также как автор и читатель наделяют хронотоп пространством и временем, так и через коды, предложенные автором, пространство и время соединяется как в тексте, так и вне его. Смысл текста мы постигаем через хронотоп, который собственно и есть *осмысленное* пространство и время, так же именно через код мы приходим к множественности смысла текста.

Как нам кажется, еще одно понятие необходимо рассмотреть в данном контексте – это понятие "автор". На наш взгляд на этой проблеме необходимо остановиться подробнее. Эта проблема неразрывно связана с возникновением понятия "письмо". Именно в письме стирается всякое понятие об источнике и голосе: "Письмо — та область неопределенности, неоднородности и уклончивости, где теряются следы нашей субъективности, черно-белый лабиринт, где исчезает всякая самотождественность, и в первую очередь телесная тождественность пишущего" [6, с. 384]. Происходит то, что Барт назвал смертью автора-демиурга. Теперь мы не должны, по мнению Барта, искать единственный смысл произведения исходя из личности самого автора, его вкусов, страстей, переживаний; теряется "голос" автора. Только таким образом мы можем, по словам Барта, восстановить в правах читателя. С "удалением" автора преобразуется сам текст: "ныне текст создается и читается таким образом, что автор на всех его уровнях устраняется" [там же, с. 387]. Это, по словам Барта, абсолютно меняет временную перспективу текста. Для тех, кто оглядывается на Автора, он всегда мыслится в прошлом по отношению к тексту, он предшествует тексту. Барт заменил Автора скриптором, который: "рождается одновременно с текстом, у него нет никакого бытия до и вне письма, он отнюдь не тот субъект, по отношению к которому его книга была бы предикатом; остается только одно время — время речевого акта, и всякий текст вечно пишется *здесь* и *сейчас*" [там же]. Исходя из этого текст представляет собой уже не цепочку слов, каждое из которых выражает единственный смысл, а "многомерное" пространство, сотканное из цитат, отсылающих нас к другим источникам. Присвоить тексту Автора — это, значит, наделять текст окончательным смыслом. Таким образом, текст не замкнут, а представляет собой бесконечный круговорот смыслов. Скриптор, который пришел на смену автору, несет в себе только словарь без чувств, настроения, впечатлений. Мы позволим себе некоторые сожаления по поводу "смерти" автора. У Барта обнаруживаются некоторые противоречия. Говоря о том, что мы в процессе текстового анализа не будем обращаться к личности автора и различным его ипостасям, таким как общество, история и т.п., Барт сам же и указывает нам при разборе уже первой лекции в произведении "Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По" на эпоху, в которой жил автор и общество, тогда существовавшее. Без обращения к этому невозможно объяснить ни хронологический, ни культурный коды, вне которых — бессмыслица и исчезновение текста. Гораздо последовательнее хронотопная теория Бахтина, показавшая нам, что помимо хронотопов, присутствующих в тексте,

существуют еще и хронотопы, находящиеся на границе текста и действительности: это хронотоп автора и хронотоп читателя. Автор, как и читатель, наделяет текст пространством и временем. В точках соприкосновения авторского и читательского прочтений возникает диалог, а несовпадения и образуют ту множественность смыслов, которые создают основу будущих прочтений текста, динамику текста, его жизненное наполнение, к которому так стремился Барт.

В результате мы приходим к следующим **выводам**:

1. Особенностью подхода Барта является разделение им произведения и текста. Основу текста составляет не его внутренняя, закрытая структура, поддающаяся исчерпывающему изучению, а его выход в другие тексты, другие коды, другие знаки; текст существует лишь в силу межтекстовых отношений, в силу интертекстуальности.

2. Роль текстового анализа состоит в обнаружении смыслов текста, что возможно собственно только в межтекстовом пространстве. Не стоит забывать, что текстовый анализ – феномен постструктурализма, придававшего особое значение текстуальности. Собственно текстовый анализ и порождает осмысленную текстуальность, неразрывно связанную с пространством. Во-первых, текст представляет собой, по Барту, переплетение, ткань кодов и смыслов, образующих **текстовое пространство**. К тому же любой текст есть **пространство пересечения других текстов**, ассоциируемые комбинации которых создают дополнительный смысл. Во-вторых, порождение, движение текста неразрывно связано с окружающей действительностью (обществом, историей, культурой), т.е. с "внетекстовым" пространством. В процессе текстового анализа это пространство уже само представляет собой тексты, связанные между собой, в силу интертекстуальности, посредством кодов, обнаруживающих смыслы. Таким образом, пространство как текста, так и межтекстовое является текстуальным пространством, которое, в свою очередь в результате текстового анализа становится осмысленным.

3. На онтологию текста мы выходим благодаря хронологическому коду, занимающему главное место в текстовом анализе. Наличие в тексте хронологического кода делает пространство текста оременным, т.е. пространство неотделимо от времени: время – четвертое измерение пространства, его неизменная составляющая. Время текста отличается от физического времени, свойством которого является необратимость. При помощи хронологического кода (т.е. собственно времени и пространства), а так же в силу интертекстуальности мы можем сопереживать и оказываться вовлеченными в события как прошлых текстов, так и текстов еще не написанных. События эти благодаря пространству и времени являются реальными, т.е. онтология текста и в тексте напрямую зависит от хронологического кода.

4. Интересно, что хронотоп "автора" у М. Бахтина появился в 1924 году, задолго до объявления "смерти автора" Бартом (1968). Что еще более интересно, так это то, что Барт был заочно знаком с работами Бахтина через Кристеву, и на основе некоторых ее выводов обнаружил интертекстуальность, но не использовал открытие Бахтиным хронотопа автора для текстового анализа.

5. Необязательно оплачивать рождение читателя смертью автора. Более того, автор должен быть (именно автор, а не скриптор), он включен в процесс интертекстуальности, без него не будет ни культурного, ни хронологического кодов, останется только произведение, а Текст и смысл исчезнут.

Список литературы

1. Барт Р. От произведения к тексту.// Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика.— М.: Прогресс, 1989 — С. 413-424.
2. Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По.// Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика.— М.: Прогресс, 1989 — С. 424-462.
3. Барт Р. С чего начать?// Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика.— М.: Прогресс, 1989 — С. 401-413.
4. Барт Р. От произведения к тексту.// Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика.— М.: Прогресс, 1989 — С. 413-424.
5. Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По.// Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика.— М.: Прогресс, 1989 — С. 424-462.
6. Барт Р. Смерть автора.// Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика.— М.: Прогресс, 1989 — С. 384-392.

Микитинець О. І. Ролан Барт: текстуальна свідомість простору.

Автор статті розглядає «текстовий аналіз» Р. Барта, виявляючи в процесі розгляду простір і час тексту.

Ключові слова: текст, простір, час, онтологія.

Mikitinets O. I. Roland Bart: textual intelligent of space.

The article deals with the R. Bart's textual analysis, particularly, space and time of a text.

Keywords: text, space, time, ontology.

Поступило в редакцію 17.09.2007